

НЕЗАБВЕННОЙ ПАМЯТИ Я. М. БОРОВСКОГО

О Якове Марковиче Боровском хочется сказать пушкинскими словами, чуть изменив их применительно к дорогому для нас образу учителя:

Ценитель умственных творений исполинских,
Друг эллинских певцов, поклонник муз латинских.

Конечно, он был не только ценитель и любитель, но и выдающийся ученый, новолатинский поэт, прекрасный переводчик поэтических, прозаических и научных текстов, интерпретатор, исследователь, преподаватель Петербургского университета, педагог, размышляющий о значении и путях классического образования. Но прежде всего он ценил, поклонялся, действительно любил высокую поэзию. Помню, как читали мы с ним таких разных — но каждый по-своему — великих поэтов, как Лукреций и Аристофан. Мы, студенты II и III курса, разбираем стихи по первому разу: нам трудно, Яков Маркович, непревзойденный знаток и толкователь, наслаждается каждым словом и, приговаривая: «Вникайте, Танечка, вникайте» (или: Майя, Гена — т. е. Майя Кислова и Гена Шмаков), находит тонкие оттенки смысла и стиля. Кажется, обыкновенный урок, так и только так должно быть. Но теперь, когда я стала едва ли не старше нашего тогдашнего Якова Марковича, проработав и проучившись 40 лет, знаю, что это чудо, сбывающееся в тех редких случаях, когда филолог — учитель, как говорится, от Бога. Любовь к предмету изучения, предполагаемая в специальности филолога по первоначальному смыслу слова, первенствует отнюдь не всегда, часто в профессиональной среде видим другое: жажду самовыражения, самоутверждения, специальность используется как средство соперничества, даже уничтожения конкурентов. Тоже ведь закон жизни: *καὶ ἡραπεύς ἡραπεῖ θέει*. Якову Марковичу эта сфера была чужда, ум и душа его были заняты Прекрасным (он любил классическое искусство и ценил русскую школу), преимущественно — Словом, и в этой области интересы его были широки: не только латинская и древнегреческая словесность, но и русская литература,

классическая и современная. Интерес к предмету распространялся и на его интерпретацию, и здесь у Якова Марковича было редчайшее свойство: он интересовался работами своих учеников и читал их не только по долгу службы — как научный руководитель аспирантов или ответственный редактор издания, — но и для филологического занятия и общения. Я имела счастье, уже в послеуниверситетские годы, приезжая иногда в Петербург, беседовать с Яковом Марковичем на филологические темы. Они же доминировали всегда и в письмах Якова Марковича. Эти письма, написанные его уникальным бисерным почерком, я храню как память о его личности, доброжелательности и филологических интересах и теперь могу предложить их вниманию читателя.

Письма Я. М. Боровского Т. Г. Мальчуковой

Ленинград, 8.XI.86

Дорогая Таня!

Сердечно благодарю Вас и Майю, а также всех коллег, почтивших меня дружеским юбилейным приветом!

Вместе с тем искренно поздравляю Вас с появлением в свет Вашей прекрасной книжицы «Память поэзии». Ваш проникновенный анализ лирики Пушкина не уступает работам этого рода Льва Владимировича Щербы. Только в одном пункте я расходжусь и с ним и с Вами — в истолковании выражения «не смываю». Решающим в пользу толкования С. М. Бонди мне представляется выражение «с отвержением чистая жизнь моя». Думаю, что именно это отвержение побудило Пушкина в окончательном варианте отказаться от ослабляющей выразительную силу этого слова мотивировок. Отмечу, что так, очевидно, понимал «Воспоминание» и Толстой.

Всего счастливого к приближающемуся Новому Году!

Ваш Я. Боровский

4.II.87

Дорогая Таня!

Очень порадовало меня Ваше милое письмо с таким чудесным приложением — вторым выпуском Ваших литературоведческих статей. Несмотря на ограниченность материала, они составляют весомый вклад в историю эпиграммы как литературного жанра и в этом отношении, на мой взгляд, превосходят основательно критикуемую Вами монографию Н. А. Чистяковой.

64

Поздравляю Вас с этим успехом и сердечно желаю столь же успешного продолжения этой работы.

Возвращаясь к вопросу о «Воспоминании», хочу прежде всего поблагодарить Вас за сочувственную оценку моего главного довода в пользу толкования Бонди. Добавлю и еще одно соображение, с которого и начались мои размышления по этому вопросу при чтении статьи Щербы: именно так художественный образ «слезы лью» в сочетании с последующим «не смываю» приобретает полную выразительность. И это отнюдь не означает, что Пушкин не дорожил своим — выражаясь философским языком трансцендентальным единством апперцепции. Он хочет не забыть печальные строки, а предать их бытию, но это невозможно даже для богов:

μόνον γὰρ αὐτοῦ καὶ θεὸς στερίσκεται
ἀγένητα ποιεῖν ἅσσο' ἄν ᾗ πεπραγμένα.
(Agatho tragicus fr. 5 Nauck)

Отсюда и слезы.

С сердечным приветом,

Ваш Я. Боровский

19. IV. 87

Дорогая Таня!

Очень порадовало меня Ваше письмо. Но мне кажется, что Вы несколько преувеличиваете значительность этой моей заметки. А вот захотелось мне поделиться с Вами и с Майей другим моим опытом того же рода, может быть уже и известным вам по более поздней русской публикации — ВДИ 1977 № 1, но на всякий случай посылаю первоначальный латинский вариант, хоть и испорченный типографским оформлением — в цитате из Овидия издательский редактор проявил чрезмерную инициативность.

Жду ваших отзывов и шлю вам к приближающемуся Первомаю сердечное поздравление и лучшие пожелания.

Ваш Я. Боровский

14. VII. 87

Дорогая Таня!

Спасибо от всего сердца за Ваш отклик на мое epigramm Pyrrhianum. Он для меня тем более значителен, что далеко не все читатели соглашались с этим толкованием, и весьма резкие возражения мне приходилось встречать со стороны маститых филологов.

65

Огорчает, что Ваша самоотверженная борьба и поддержание филологического образования на факультете не имели должного успеха. Надеюсь все же, что ваше молодое поколение еще увидит лучшие для филологии времена.

Как Вы проводите каникулярные месяцы, не выйдет ли случай побывать в Ленинграде?

Будьте здоровы, Танечка, шлю сердечный привет Вам и Майе.

Ваш Я. Боровский

26.X.87.

Дорогие Таня и Майя!

Сердечно благодарю вас за милое поздравление и высокую оценку моей филологической помощи. Я очень дорожусь возможностью поддерживать научное общение с вами и за пределами университетского курса и буду рад каждому случаю, который представится в этом направлении.

Шлю вам к приближающему Новому Году пожелание всего счастливого и целую вас от всей души.

Ваш Я. Боровский

27.XII.87

Дорогая Таня!

Спасибо за Ваш проникновенный комментарий к поэзии Заболоцкого. Из этой статьи я многому научился, и не только в пределах оценки Заболоцкого. Очень рад Вашему успеху и сердечно Вас поздравляю.

Спасибо и Майе за почет, оказываемый моему Овидианту. С большим интересом жду результатов объявленного конкурса, особенно Вашего перевода.

Мне понравился «Север» в целом своим прекрасно выраженным местным колоритом. В «Поэтической этнографии Севера» говорится о писателе Викторе Пулькине. Не родственник ли он Григорию Пулькину, герою замечательного стихотворения Твардовского (1940)? Как ни хорош Заболоцкий, а Твардовский мне доступнее. И вот, в анонсе №3 «Севера» я нахожу публикацию о Твардовском из литературного наследия нашего дорогого Федя Абрамова. Нельзя ли мне, Танечка, как-нибудь получить экземпляр этого номера, если удастся в собственность, а нет, так хоть на прочтение? Так или иначе — мой дружеский привет Л. Крутиковой.

Поздравляю вас, мои милые ученицы, с наступающим Новым Годом. Доброго вам здоровья, благополучия, успехов, «вдвигай».

С любовью ваш Я. Боровский

18.XII.88

Дорогие Майя и Таня!

Поздравляю вас с Новым Годом и сердечно желаю вам доброго здоровья и всяческого благополучия, в том числе и научных успехов.

От всей души благодарю вас за дружескую память. Ваша милая телеграмма к мемориальной дате меня глубоко порадовала. Сожалелю только, что старческая инвалидность не позволяет мне приехать в Петрозаводск, чтобы в личном свидании более непосредственно выразить вам свои чувства. Но вам вероятно доведется наездом бывать в Ленинграде, и я надеюсь, что вы в таком случае не упустите возможности навестить меня.

Любящий вас Я. Боровский

15.I.89

Дорогая Таня,

Сердечно благодарю за новогоднее письмецо, иллюстрированное очаровательной лампой — идеалом керосиновых ламп времен моей ранней молодости. Меня очень радует Ваша высокая оценка *intemptata nitens*, ведь не до всех доходит это толкование. А я им дорожусь настолько, что хочу еще раз вернуться к той же общей теме в подготовляемом юбилейном горацянском сборнике.

С большим удовлетворением узнал от Саши Гаврилова, что Вас пригласили участвовать в этом сборнике. Я пока предложил для сборника заглавие MNHMOCYNH и эпиграф на титульной странице:

CAMPOS ELYSIOS HABITAS BIS MILLE PER ANNOS
ET SEMPER VIVONT TOT MONUMENTA TUI
SEMPER HONOS NOMENQUE TUOM LAUDESQUE MANEBUNT
NOS FLACCI MEMORES SUSCIPE POSTERITAS

с русским вариантом в виде концовки сборника:

Ты, Элисийских полей обитатель двухтысячелетний,
Памятник песнью своей и среди смертных воздвиг.
Имя твое и слава живут. Всенаследница Память,
Вместе с Горацием нас в сень восприемли твою.

Так как этот вклад уже известен товарищам на кафедре, то мне захотелось поделиться им с Вами и Майечкой.

Очень жду Вашего приезда в Л-д!

Целую Вас и Майечку от всего сердца.

Ваш Я. Боровский

31.XII.90

Дорогие Майя и Таня!

Сердечно благодарю вас за добрую память и новогодние пожелания. Желая и вам на долгие годы всего счастливого!

Виноват, что своевременно не сообщил свой новый адрес: мы и М. А., вынужденные далеко зашедшей инвалидностью, [решили] съехаться с родственниками: 191025 Л., Колокольная, 4, кв. 11 тел. 113-18-96. Когда доведется побывать в Л., непременно загляните к нам.

Поздравляю вас и с приближающимся официально признанным Рождеством и целую от всего сердца.

Ваши Я. Боровский

20.I.93

Дорогие Майя и Таня!

Получил, хотя и со значительной почтовой задержкой, ваше милое новогоднее письмецо и очень благодарю вас за добрые пожелания и дружеские чувства. Желая и вам здоровья, благополучия, научных успехов.

Очень хотел бы, чтобы мне довелось еще повидаться с вами при нашем эвентуальном наезде в Петербург. Каковы перспективы в этом отношении?

Ваши искренне любящий Я. Боровский

Мой нынешний почтовый индекс: 191025.